

18+

МЫ ЛАБИРИНТЫ

СБОРНИК ПРОЗЫ
И ПОЭЗИИ

Осип Бес
Мои лабиринты.
Сборник прозы и поэзии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66443892

ISBN 9785005536709

Аннотация

«Первым делом хотелось бы отметить яркую и какую-то стихийную талантливость авторов, чьи произведения составили „Мои лабиринты“. Не дружеские связи, не общность мировоззрений, которые тоже, безусловно, присутствуют, а именно общая для всех талантливость. Еще одно важное свойство сборника – явное игнорирование современной литературной ситуации, ее временных параметров и конвенций. То есть претензия у составителей и авторов не зайти и заявить о себе, а остаться». Алексей Колобродов. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

МОИ ЛАБИРИНТЫ	6
Сборник прозы и поэзии	6
От редакции	7
Александр Яшин	8
Как Хармс партизанам помогал	11
Танго	18
В метро и на поверхности	22
Кровь	28
Иван Родионов	30
Русский цикл	31
Предисловие. 1903	31
Силуэт первый. Сокольников	32
Силуэт второй. Лившиц	33
Силуэт третий. Мандельштам	34
Силуэт четвёртый, и пятый, и шестой, и седьмой. Четыре Бориса	35
Силуэты восьмой и девятый. Шаламов и Цапок	36
Силуэт десятый (и последний). Родионов	37
Ник Мешков	39
Цикл рассказов «Байки и скрепы»	40
Мухоморы	40
Марсельеза	42

Обводный канал	51
Про школы (красно-коричневое)	56
Призрак пушкинской квартиры	63
Коммунальное	66
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Мои лабиринты

Сборник прозы и поэзии

Редактор Осип Бес

Редактор Ник Мешков

Корректор Елена Крюкова

Иллюстратор Осип Бес

© Осип Бес, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-0055-3670-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МОИ ЛАБИРИНТЫ

Сборник прозы и поэзии

Авторы сборника «Мои лабиринты» люди разных взглядов, но схожие по духу. Может быть, поэтому сборник и получился таким цельным, с общим настроением. Но лабиринт, у каждого из авторов, как и жизненный путь, безусловно, свой.

В книге представлены восемь авторов. Поэты и прозаики из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода и других городов. И вокруг каждого свои гулкие коридоры.

От редакции

В Критском лабиринте простых людей всегда ждала смерть, но одновременно с этим сам лабиринт был призван сдерживать чудовище от проникновения во внешний мир.

А что делать, если сам мир становится лабиринтом, по каменному полу которого расхаживает Минотавр?

Окопы, переплетенные шоссе, бесконечные больничные коридоры или улицы города, наполненные кавказскими гопниками – декорации не так важны, важно осознавать, что никакой нити Ариадны у тебя нет и не предвидится.

В нолановском «Начале», чтобы с успехом выйти из лабиринта сна, требовалась целая команда штурмовиков, и всё равно без чита, в виде пересекающего лабиринт потайного хода, у них ничего бы не получилось. Остаётся надеяться, что наша жизнь – это тоже лабиринт сна, и у безнадежно заблудившегося ещё есть возможность найти свой собственный лаз.

Александр Яшин

От автора:

Я родился в 1983 году в городе Ленинграде. В 1987 году меня здорово шарахнуло током, и я чуть не помер. Произошло это уже в подмосковных Люберцах.

В том же 87-м или в следующем 88-м, далеко на Севере, в Мурманске (столь частая смена дислокации – следствие профессии отца; он был офицером) я встретил на улице некоего Мишу Горбачёва. Я указал на Мишу пальцем и сказал конвоировавшей меня бабушке: «Смотри, управитель ходит!». На моей судьбе это никак не сказалось. На Мишиной – к сожалению – тоже.

Осенью девяностого года мне должны были выдать значок с Вовой Лениным, но не выдали (отчасти из-за Миши). Я не сильно огорчился: против Ленина я ничего не имел – но потенциальные сопартийцы не внушали доверия.

Октябрьским днём 93-го я с мрачным видом расхаживал от балконной двери до комода, косясь на экран телевизора. Представлял, как хребет всплывающей субмарины гонит по поверхности Москвы-реки жёлтые листья и дохлых карасей. Субмарину звали «Наутилус». Стоя на вершине прочной рубки, я срезал лучом гиперблоида танковую башню. Легко, будто шляпку гриба.

Так, верхом на «Наутилусе», я поплыл к двухтысячному году. «Далее ничего не будет», – думал я и был прав. В двухтысячном году наступил Конец Света, и все умерли.

В первом году загробной жизни мертвец в погонах отобрал у меня подводную лодку и гиперболоид. Взамен он выдал мне предписание. Я очень благодарен и ему, и всем вооружённым силам преисподней.

Из вооружённых сил меня выгнали за премногую жестокость, предварительно подержав в дурдоме. Ошеломлённый таким фактом, я ходил на лекции в университет, торговал книгами, мастерил вывески. А потом приехал к Гостиному Двору, где стояли живые люди; кровь, серп и молот, и белое яблоко. «Можно к вам вступить?» – спросил я. «Нужно!» – хохоча, ответили они.

И понеслось!

Лето седьмого года – проломленная прикладом голова.

Осень седьмого года – первое уголовное дело, тюрьма «Кресты».

Лето десятого, очередное «последнее лето детства», – публикуюсь в сборнике «Плохое время для героев». Осенью того же года – очередная уголовка, статья «282».

В пятнадцатом году мне сказали – ну хватит уже! Ты взрослый человек! «Да», – кивнул я. Собрал вещи, сел в поезд до Москвы. А там – на автобус до Ростова. А там – на автобус до Донецка. На войне мне понравилось.

Что ещё сказать?

Да, Смерть!

Как Хармс партизанам помогал

Над тем местом, где узенькие улочки сходятся в Пять Углов, стояла башенка. В этой башенке жил Хармс.

Каждое утро стекольщик Плюгаев собирал у подножья башенки неосторожных баб и детишек.

Плюгаев выстраивал их полумесяцем и встраивался в полумесяц звездой. И делал страшную рожу.

А потом поднимал палец вверх и говорил:

– Вот там, глупые создания, живёт Хармс!

После Плюгаев указывал на запад:

– А оттуда – ползут рогатые фашисты!

Бабы и дети молчали – про рогатых они знали всё. Из газет. Но больше из писем.

– Как только фашисты поближе подползут, – говорил, кутаясь в шарф цвета фарша, Плюгаев, – Хармс немедля вступит в фашистское войско! И всячески вас укусит!

– Понимаешь ли, пигалица? – с этими словами стекольщик хватал дитё женского пола, с самыми большими белыми бантиками. – Укусит!

– Укузит... – тихо шептали бантики, завороженно наблюдая синий крест на среднем пальце Плюгаева.

– Вот! – Плюгаев подбоченивался и снова корчил рожу; уже более кислую, чем страшную. – В честь такого дела: благоволите по три копейки с рыла, иждивенцы чёртовы!

Тут дети с визгом задавали стрекача, соображая, что балаган закончился и начались мешочные скучные дела. А бабы щёлкали кошелёчками и шуршали кулёчками. Дьявол не разберёт: отчего они так делали? – должно быть, из жалости.

И в самый разгар этого арапства появлялся мрачный гражданин, возбуждая беспокойство.

Бабы сумбурно здоровались с гражданином и исчезали быстрее, чем дети. А стекольщик Плюгаев, оставшись один-одинёшенек, посреди Пяти Углов, начинал что-то суетно разыскивать на тротуаре. Покуда крепкая рука не скручивала винтом его кочегарскую тельняшку.

Дыхание мрачного гражданина не отдавало ничем съестным, даже табаком, будто бы антропоморфный механизм лязгал пастью на пойманную мышку.

– Если ты, сволочь, не перестанешь тут шапито творить – расстреляю! – гражданин брезгливо обыскивал стекольщика, но находил в его карманах только выклянченные монетки.

ки. Что с ними было делать: конфисковать? – хлопотно бумаги писать на такую ерунду. Оставить? – это только поощрять кальсонное арапство.

И стекольник ещё паскудно играл морщинами – ровно что на гармонике – и глазками мышился: то влево, то вправо, то туда – к башенке.

– Своё бесстыдство наблюдай, канифоль ходячая! – правильно истолковывал глазоброжение граждан. – А волшебниками – отдельное ведомство занимается.

Однажды стекольник Плюгаев не был обнаружен на прикормленном месте. Говорят, что он любил полуночничать на своей закопченной кухоньке. И беспечно не затворял окно и не опускал шторы. Тени с Обводного уже давно свили гнездо на фасаде его дома, страстно оглаживая когтями ярко освещённый прямоугольник. Говорят, что однажды ночью темнота дыхла в кухоньку и засмеялась звонким женским голосом:

– Са-ашенька! Иди сюда-а!

Таким звонким, таким бесстыжим... За такой голосок и украдёшь, и убьёшь, и голый по улице побежишь. Вот Плюгаев и побежал. «Какой же я дурак!» – восторженно думал он, наблюдая, как быстро приближается серое дно двора.

И мрачный гражданин тоже более не гулял у Пяти Углов. Говорили, что он погиб в перестрелке с диверсантами. Рыс-

кая помутневшими глазами по грязным пролётам Никольских рядов, он булькал простреленным горлом и всё пытался что-то сказать. Его коллега, такой же мрачный, такой же гражданин, взволнованно запахивал пальто и нервно говорил отходную:

– Не бось, брат, не бось... Грохнул я того гада, что укокошил тебя. А остальных – разыщем! Так что: спи спокойно, как захочешь из гроба встать – встань. Чтоб боялись!

А смертельно раненый всё пытался сказать: «Копеечки...». И правда: когда вскрыли его комнату, обнаружили в запертом ящике стола две коробки, полные монеток. Сверху записка, в записке одно слово: «Передайте...» – и десять зачёркнутых строчек после. Передали потом в Осоавиахим.

Пусто было на Пяти Углах, ветер дул, улицы ожидали снега. И тогда Хармс распахнул все окна в своей башенке – на юг, на восток, на север и на запад. Ступил на карниз – и обернулся птицей. И полетел.

Дети бежали, следом за его тенью, показывали в небо пальцами и реготали:

– Чижик-пыжик! Чижик-пыжик!

А из всех квартир детям жутко жучкали:

– Жуж! Жуж!.. Вы что?! Санечка, Гранечка, Сонечка, Варечка! Живо домой!

Но дети были умные. Они рассыпались по убежищам,

только когда взвыли сирены. И когда где-то застучал пулемёт ПВО.

А Хармс летел на запад. Над пулемётами, над болотами.

Каким-то чудом он углядел хорошо замаскированное укрытие. Приземлился, надел цилиндр, взял в зубы трубку и церемонно постучался в бронированную дверь. А потом ещё раз. Он и не знал, какое веселье началось в тот момент в недрах укрытия, под землёй.

А там только печка спокойно чадила – все остальные суматошились, топоча грубыми армейскими ботинками. Гоняя взмысленных солдатиков, молодой офицер, бледный от усердия, орал так, будто объявлял начало Рагнарёка.

– Живее! – кричал он. – Нойзель! Кройц! Крепче держите дверь! Не пускайте сюда герра Хармса! Он несёт с собой то, что повергнет любого цивилизованного человека в бездну безумия. Он... он и есть бездна... Клаус! Клаус, обычно ты жрёшь так же усердно, как стадо валлонских свиней!.. так подопри дверь своим задом! Если мы будем наблюдать герра Хармса на охраняемой территории – знайте: нас настигло нечто более страшное, чем смерть!

– Более страшное, чем смерть, – подтвердил гауптман, прихлёбывая кофе (он взял пример с чадящей печки и перестал беспокоиться). – Русские называют это... – тут гауптман

проворочал своим милитаристским языком очень скверное слово.

– Ваше счастье, Йоганн, – меланхолично добавил он, – что вы не знаете, что это такое. А перед тем, как узнаете – вам лучше застрелиться. Клаус, прекратите подпирать задом дверь – она железная, и герру Хармсу не удастся её сломать. Он просто стоит у входа и курит трубку.

Хармс и вправду стоял у входа и курил трубку. Такой свойский среди выжженных деревьев. Дымок от трубки поднимался к небесам. Тихо было вокруг, только с другой стороны холмика, скрывавшего вражеский бункер, вдруг дрогнул неприметный кустик. Дрогнул, и по-весеннему расцвёл носом и бородой. Нос принюхался, борода взъерошилась, и притворявшийся кустом партизан приложил ухо к склону холма.

– Шебуршатся тараканчики... – усмехнулся он тихо, послушав, и скомандовал: – А ну, хлопцы, навались!

И, повинуясь команде, ожили грибы в ложбинке, пенёк корнистый поднялся, хвостатая лиса прибежала на зов. Ненадолго показав истинное своё обличье – бушлаты полинявшие и шапки обожженные – лесное войско окружило холм. И снова перекинулись они, на этот раз – сворой боевых хорьков. И свистнули, через вентиляционную шахту, во вражье подземелье.

Кто-то пискнул из-под холма: то ли гауптман, то ли прожорливый Клаус.

Через два часа Хармс недоумённо крутил в руках битую поцарапанную кружку. А командир фамильярно хлопал его по плечу.

– ...И тут Даниил Иванович взял и в дверь постучался! По-нашему, по-мальчишечьи! Отвлёк врага – чем обеспечил внезапность нападения. И за это товарищу Хармсу – наше партизанское спасибо!

Хармс рассеянно крутил в руках кружку и считал царапины на ней. Царапин было много.

Всё так же, считая царапины, Хармс простудился, когда отряд форсировал гиблые, затейливые болота. С той поры он считал царапины и кашлял. Даже командир отряда сделал ему замечание:

– Потише кашляйте, Даниил Иванович, – мрачно сказал он. – Услышат же.

Хармс кивнул, кашлянул и помер.

– Эх-х... – насупились партизаны. – Ну, спи спокойно. Захочешь встать – встань. Чтоб боялись все.

Танго

(из цикла «Завод»)

Альзо, друзья мои – перед вами стоит баллона со сжатым газом: железная, чуть ниже вас ростом, и по-уральски суровая. Стоит и будто бы ухмыляется – потому что её нужно переместить из точки «А» в точку «Б». И сделать это придётся вам – никого вокруг больше нет, все ушли на фронт.

Можете поплакать, но от того не полегчает – никакие высшие силы не передвинут баллону, и она, к тому же, не труп врага: сам собой по реке не поплывёт.

Кстати: позвать друга и нести эту гадину, взявшись «ты – за ноги, я – за голову» – нельзя! И повалить её на пол и докатить до пункта назначения, пиная ногами, – нельзя! ПТБ* запрещают.

А значит, действуем так: сначала обнаружьте тот факт, что, скорее всего, у вас, у вас есть две руки, и на той из них, что называется «левая», есть как минимум два пальца – большой и указательный. Разводим их настолько, насколько анатомия позволяет. Полученную лягушачью тонкость возлагайте на горловину баллоны.

Теперь наклоняйте баллону так, будто это дама и вместе пляшете танго... только не слишком низко! – угол наклона острее сорока пяти градусов у нас считается извращением, балеруны херовы.

Наклонили? Отлично! Кстати, ноги держите на уровне плеч, для устойчивости. Стоя в этом положении, вспомните, что у вас есть правая рука. Вспомнив, вытрите с неё сопли – можно об себя: нам важны чистые руки, а не чистая роба. И продолжайте представлять, что у вас дама, что у вас страстная любовь и романтический танец посреди цеха.

Так вот – правую руку суйте туда, где у этой дама должна грудь находиться. Она – будь она живая, а не вымышленная – хлопнула бы вам по морде, ну или закатила бы глазки. А баллона ничего не сделает – она железный.

И вот теперь; правую ладонь – резко вперёд от себя, и ястребом вверх. И – представьте себе! – баллона провернётся в ваших руках, ежели вы не забываете держать левую руку на горловине.

Дама такого точно не оценит. Хотя иная, может, и заполочется: «Ах! Ах! Ах!», – запищит: «Меня повернули попой к небу... ах! Ах! Ах!.. Сейчас отшлёпают!»

Так не теряйтесь: крепче хват левой ладони на горлышке, и правую ястребиную снова в дело – под ней теперь не грудь, а спинка – вжих! И снова! И снова!.. Только не забывайте двигаться вперёд. Мы же не просто так даму... то есть баллону крутим – мы её перемещаем из точки «А» в точку «Б». Во-от! И пошли: баллона, крутясь, тупает башмаком об бетонный пол – туп! туп! туп!.. Мы идём вперёд!

Дошли? Замечательно... отдышитесь. Вот так: «У-ух!.. О-ох!». А вокруг благодать: конструктивистское небо ангара высоко-высоко, и кран-балка ползёт по нему, как демон, воруя звёзды. Где-то в сумерках вопит Асланбек, мучаясь с рохлей. А вот Люба вышла с малярного участка, шлёпая тапочками: на ней драная футболка и потёртые лосины, и пятна краски в три слоя.

А вы – дышите, дышите... и не убирайте руку с горловины: над ней произрастает такой прекрасный цветочек – у дамы это голова с кудряшками, а у баллоны вентиль. Хватайте и крутите вправо.

О-о: шипит! Это газ... это дама делает вид, что злится, задыхаясь от страсти. А вы отдыхайте, отдыхайте...

Неплохо, если у вас есть «Зиппо», но, собственно, и ка-

кой-нибудь «Крикет» сойдёт. Вшшш!.. шипит, а вы манерно чиркаете и преподносите ей огонёк. И... море любви, море огня.

Ну – рыло у вас, скорее всего, чёрным будет.

ПТБ* это запрещают.

В метро и на поверхности

Арувкаев подскочил так резво, что полы его курточки показались всем прочим пассажирам вороньей стаей. Подскокив, Арувкаев стал фертом и поинтересовался у Коли Далёкова:

– Отчего ты взираешь на мою бабу столь внимательно?

Далёков поискал глазами «бабу», но не нашёл. Только Рита, колыхаясь, как колосок, снова коснулась его жопой.

– Ты взираешь прямо туда! – вскричал Арувкаев, тыча пальцем в касательный орган и неприлично раздуваясь фитой.

Далёков глянул заинтересованно: изящная жопа напоминала бок самовара. «Что в зрелище таком? – неспешно подумал Далёков, – ведь жоп полно в метро – поболе самоваров».

– Твои моргалки – бестии и воры! – Арувкаев увеличился вдвое, растопырив конечности иероглифом сандзю.

Далёков покачал головой и раскрыл газету. Впрочем, боковым зрением он продолжал исследовать предмет ссоры. «Кармашек ма-аленький, как медная заплатка... – размыш-

лял Далёков, косясь, – неласков быт, как видно, к самовару...».

Тем временем, Рита очень старалась не задеть странного попутчика ещё раз. Ей бы отойти, да мешал Арувкаев, разметавшийся ижицей. Тут вагон качнуло, и кармашечная пуговка снова чиркнула по руке Далёкова. «Ах», – подумала Рита. «У-ух!, – поприветствовал скандальёзный вагон Михайло Васильевич, – поменьше обменивайтесь флогистоном, граждане пассажиры; потому как флогистона – не существует».

Коля Далёков сломал газету вчетверо и направился к выходу. Граждане пассажиры хлопали глазами на него и на Арувкаева, ожидая веселья. И Арувкаев не подкачал.

– Постой! Постой! – кричал он вслед, ковыляя по перрону. – Я тебя сейчас буду ругать, мучить и унижать. Постой, постой!

Он нагнал Далёкова на эскалаторе. Встал на ступеньку выше и, рассуровившись буквою алеф, начал прыгать на месте.

– Я в следующий раз подпрыгну, – хвастливо утверждал Арувкаев. – Ка-ак подпрыгну и потопчу подошвами твои скверные ушки. Вот сейчас... Вот в следующий раз... Уже вот-вот... Твои уши будут похожи на камбалу!

– Не надо прыгать, как в зоопарке, – сухо заметил Далёков, – шимпанзье засмеёт.

На улице Далёков зябко запахнулся.

– Изволь, сударь... – сказал он Арувкаеву, морщась от снежных уколов. Мертвецы с Фарфоровского сразу азартно застучали косточками по асфальту, подкрадываясь к ярко освещённому вестибюлю. И под пролётами Володарского моста кто-то неистово завертел хвостом, свища и топоча копытцами, – так засвистал, так завертел, что боязливые пассажиры ещё быстрее побежали по домам.

О страшном происшествии у входа в метро долгое время шептались. «Кровищ-щи-то! Кровищ-щи!» – шлепали знающие губёшки.

А Рита ехала дальше. Колыхалась колоском и глотала слёзы: «Гады... мудаки...». Когда поезд приближался к последней станции, к ней подошёл офицер и джентльмен в очках и сером пальто. Подошёл, профессионально ощупал жопу и извлёк из заветного кармашка объект SN453—22.

– Эх ты... – мрачно сказал джентльмен и трижды хлопнул Риту по морде, – Вот ещё раз что-нибудь подобное устрой! Ещё раз!

Рита опустилась на скамейку, разбросала ножки по прохо-

ду, беззащитными подошвами наружу, и собралась прегорько зареветь. Но её немедленно удалили из метрополитена.

– П'дём... – пыхтела Ольга Ивановна, прижимая обмякшую Риту к армячному боку и разгоняя своих ретивых коллег. – П'дём: тут нельзя реветь.

Она вынесла Риту наружу и поставила под одиноким фонарём.

– Тут реви, – деловито сказала Ольга Ивановна, злобно поглядев на фалды ускользавшего джентльмена. – А мне некогда – служба!

И Рита ревела, ревела, ревела... Покуда до этой страшной станции не добрался кто-то, кто ехидничал у Володарского моста.

– А в глазах собрались кучей, пьяной ротой – слёзы, – важно сказал он, обмахнув Риткину мордочку пушистым хвостиком.

«Ну и пусть!», – говорила себе Рита, пока её вели меж избушками и заборчиком. «Ну и пусть!», – говорила Рита, виляя задницей направо и налево. Задницы аккуратно касались пятнадцатисантиметровые когти. «Хи! Хи! Не то ещё касалось...».

«Ну и... пус-ся...», – мрачно молвили инквизиторы, глядя вслед Рите. Через год они попытались её сжечь – да куда там! Зависший над площадью вертолёт К-50 разбросал всех своими винтами и костёр потушил. Трепанированный Арув-каев следил за этим средневековьем, взметая пятками простыню. Рот его скривился в непонятный символ и цедил самые разные звуки.

«Что „Бэ“?! Что „Ё“?!» – хлопнула его по лбу Ольга Ивановна, переквалифицировавшаяся, после отставки, в санитарки. Она коротко зыркнула на экран. «Ну, баба бабаёжит – тебе-то что? Быстро лёг, как следует, трепетный ты мой!». И Арувкаев тревожно замер, испуганно сверкая бусинками на белое косаточное брюшко.

А поезда всё так же катались под землёй. И в одном из вагонов шелестел усиками Витя Груздев. Шелестя, Витя наконец решился и цапнул Далёкова за рукав.

– Почему вы так пристально смотрите на мою... на девушку, вам постороннюю? – спросил он фальцетом. – Вы знаете, что это непристойно?

Полненькая Валя сконфуженно не хотела видеть ни Витю, ни попутчика со шрамом на щеке. Она снова и снова перечитывала надпись «Не прислоняться!» и испугано думала: «Сейчас станция... и Михайло Васильевич опять предостережёт от беспорядочного обмена флогистоном... которого нет».

Коля Далёков устало ощупал клинок на поясе. Огляделся – со всех сторон на него смотрели разнообразно красивые люди, которых деловито укачивал хароновский вагон.

– Простите, сударь, – сказал Коля. – Я просто задумался.

Кровь

Один Бублик (на самом деле: очень культурный человек, улыбался всё время, эдак по-директорски) считал, что кровь – это жидкость. Человек, думал он, ровно что бурдюк: сверху – шкура, внутри – вино. В вине ещё косточки плавают, целый скелет.

И оттого человеку очень опасно жить на свете – вдруг зацепится боком за колючку; так сразу меха разойдутся, и вино засвистит фонтаном. Тут можно всячески зажимать прореху, но рубаха, что поверх бурдюка, уже испачкана... и на тротуаре капитальная лужа – даже дворник неприязненно цыкает. А с паперти Морского Собора – гляди! – ковыляет отставной мичман; жадно оскалился на фонтанчик, в руках трясётся кружка. И за ним следом – все хромые и косые, все рогатые, босые. И все с кружками... Ай-яй, караси – резвей гребите!

И выхлебают караси; всё выхлебают, до капли. Бурдюк потом будет валяться у парадной, пустой и мёртвый, а сухопутный мичман – очень скверно ругаться. И дворник тоже что-нибудь скажет... на своём странном языке.

Бублик ошибался? Бублик ошибался. Потому, что был отчасти прав. Верней всего, он понимал карасей с кружками...

но и караси были поумнее его (караси-то – плавают и костистые, а Бублик – только улыбаться умел, эдак по-директорски). Мичман тем более не разгадан остался – мичман натура сложная.

А всего хуже то, что Бублик ничего про кровь не понимал. Кровь – никак не жидкость, хоть и капает и струится. Кровь – не жидкая: густота этой субстанции похуже, чем у болотной топи, вязкость – поболее, чем у промёрзшего стекла. Так и ходит человек: снаружи – шкура, внутри – то студень, то стекло, то сталь. Шкелет – да, тоже есть; весь спрессованный и исцарапанный.

И, если рубануть человека по какой-нибудь конечности (а то и сразу по башке) – а надо именно рубануть, если просто царапнуть, то шкуру не пробьёшь – если рубануть: кровь, конечно, наружу поступит... Поступит: ступит раз, ступит два – как каменный гость, как отступающее войско.

«Ох-х! – скажет тогда человек, падая на одно колено, – нехорошо это – солнцу кровь показывать, непристойно». Хотя и солнца никакого нет над раненым – медная монета чуть повыше горизонта. И душегуб во всё небо; сверху его – шашкой!.. шашкой!

На земле потом – что-то чёрное, липкое, как предрассветный бред. Вот это вот – кровь. Грязная-прегрязная: потому что на земле валяется.

Иван Родионов

Поэт, критик.

Родился в г. Котово Волгоградской области. Живёт в Камышине.

Публиковался на порталах «Год литературы», «Текстура», «Литературно», «Свободная пресса», «Совлит», «Rechorin.net», «Бюро Постышева», в журналах «Новый мир» и «Юность», газете «Литературная Россия».

Автор книги «сЧётчик. Путеводитель по литературе для продолжающих» (ISBN 978-5-907288-04-1).

Финалист (2019, 2020) и победитель (2020, номинация «Особый взгляд») премии «_Литблог» от «Большой книги». Лонг-лист премии «Лицей-2020».

Участник «Тавриды-2020» и «Мастерской Захара Прилепина-2020».

Преподаёт русский язык и литературу.

Русский цикл

«Русский цикл» вошёл в лонг-лист премии «Лицей-2020»

Предисловие. 1903

Дорогая, я в Токио. Прибыл налаживать связи.
Город сей – что мой слог: и размашист, и пёстр, и куц.
Муравейник из газовых вывесок, гама и грязи:
Поглядишь из окна – почитай,
наш губернский Иркутск.

Солнце разве... Но позже – о солнце.
Здесь чудная гавань,
В Порт-Артуре такая же. Шило на мыло сменял.
У соседей смешная фамилия – Акутагава —
И их младший с какой-то тоскою глядит на меня.

Наши как? Милый Рыбников стал-таки
штабс-капитаном?
Фриденсона-бомбиста ещё не швырнули в тюрьму?

Разговаривал с городовым.
Ходит с шашкой – «катаной».
Он сказал, здесь рождается солнце. Я верю ему.

Силуэт первый. Сокольников

Подкрепившись падалю,
Добываем нежить.
Там скалы, что падают,
Там тростник, что режет.

Хлябь перелопатили
Чёрные копатели:
Глядь – а там Сокольников,
Брошенный Сокольников.

Бриллиант обернётся червонным стольником.
Из Тобольска вернётся домой Раскольников.

Дальше лучше дольником.
Дальше лучше дольником.

На Радика и Радека найдётся холмик мшистый —
Мы все уклонисты,
Правые уклонисты,
Сионисты и предатели.
Бросить, закопать – или?
Ты для чего и чей?
Здесь больше не стреляют в басмачей.
Загоняйте в Википедию палачей —
Там полны скотомогильники угодников.

А ещё там есть Сокольников,
Молодой Сокольников.

Силуэт второй. Лившиц

шумят
октябрю значит двадцать кого-нибудь точно посадят

лысеющий Лившиц вздыхает
он физик а может писатель
и кашель его нехорош и ячейка серьёзно взялась
колоду достав из комода он хочет раскинуть пасьянс
там бубны
шаманские бубны мудрёных табличек и формул
варганы метафор
побег
содержание жрущее форму

иль мастью пиковой
как власти да в пику
рехнулся
Кольцов
с любого портрета Сосо целит пиками чёрных усов
а крести
кресты безымянных могилоч завидная участь
ушли Гумилёв Манделыштам

ты их может быть чем-нибудь лучше

верней всего черви
зароют под стягом червонным в траве
и станет безвестный червовый король
королём для червей

скажи-ка мне
тридцать седьмой
что на мне за вина

а карты краплёные карты летят из окна

Силуэт третий. Мандельштам

Воронежский ампир привычно соткан
из тонких стенок, пористых на слух,
из жирнорядья сталинских высоток
и спилей сплетен выморочных слуг.

Жаль костоправу вывернутых стоп, но
клубится ямб, кипит в реторте ртуть,
и снова вдохновение подобно
кошачьей голове в иссохшем рту,

и вновь себя к водовороту гонишь,
и понимаешь – это круг Шестой,

и стихотворцу нужен свой Воронеж,
а гению – необходим Дальстрой.

Силуэт четвёртый, и пятый, и шестой, и седьмой. Четыре Бориса

Был один Борис, именем Андрей,
был Борис – один, а родил троих.
Первый был Борис – красно деревце,
а второй Борис – чистый юноша,
третий вовсе был самый звёздный цвет.

Три Бориса – три славных отпрыска
того самого, который Андрей,
разбрелись по Стране Советов.
Одного из Борисов казнили
за измену великой Родине,
которой, наверное, не было
(не было, конечно, измены, а не великой Родины).
А другие ушли на Финскую,
и вернулся всего один,
и печально и тихо съежился
после главной страшной войны.
И оплакать их некому – сироты,
и отец их давно покойничек —
долго-долго сходил с ума,

преставившись к тридцать четвёртому —
танцевать же любил до последнего,
а сейчас его называют
гениальным предвестником Джойса.

После ряда событий и персонажей
новорожденных в моей стране
перестали называть Борисами;
давайте вспомним, давайте помянем хотя бы чтением
четырёх ярчайших русских Борисов:
Пильняка,
Левина,
Лавренёва
и их духовного отца Андрея Белого,
он же Борис Бугаев.

Силуэты восьмой и девятый. Шаламов и Цапок

за ними цепких кентавов скит
кубанаюгенд и мурдеркинд
за них казѝаки и казаки
за наши слабости/косяки
плечиста мразь и краплѝена масть
и циклопический цеповяз
паяльник средней такой руки

отдай жену и детишек кинь
щербата нелюдь вонюча пасть
их уважают они здесь власть
и цепень бычит
архангел жги
не стоит цацкаться
се цапки

Ибо, братцы,
Сказано в варлаамовых святцах:
Милостию божьей
Блатной мир должен быть уничтожен.

Силуэт десятый (и последний). Родионов

Вот стихи про любовь —
Не готов воспринять бытование Джо и Рейчел.
Человечнее, сволочи – толику человечнее.
Иоанну Предтече сечень подобран-выбран.
Верлибром.
Дальше куцым голым верлибром.

Солдату Родионову
Отрезали голову,
И меня больше не трогают вирши про Холокост.
После ста дней пыток
Под Ачхой-Мартаном

Солдату Родионову
Отрезали голову.
А ты подвергся абыюзу,
Сыплются травмы и буллинги
На твою крашеную башку.
У солдата Родионова
Тоже была мама.
Ей не отдавали тело
И сломали позвоночник.
И я торжественно клянусь,
Что писать не стану больше
Про Ла Вея, Брейвика и какой-то там Колумбайн.
Солдат Родионов
Не отрётся от крестика,
А ещё ему
Отрезали голову.

Пиши про расстрельный Медведевский лес,
Про полки потешные,
Про трескучие костры из раскольников,
Про прогулки в Кровавое воскресенье,
Про фадеевских пионеров, подвешенных,
как иллюминация.
Твоё библейское и жуткое – это тоже твоя Родина,
Страшная Родина,
Единственная Родина.

Ник Мешков

Поэт, прозаик, автор песен.

Родился 05. 05. 1987 в г. Ленинград, проживает в г. Санкт-Петербург. Холост. Закончил юридический факультет РГПУ им. Герцена по специальности «Международное право». В начале десятых годов был активистом партии «Другая Россия», в это же время принимал активное участие в поэтических чтениях. Член Объединения Радикального Творчества «ОРТ».

Цикл рассказов «Байки и скрепы»

Мухоморы

Был у меня один знакомый В. Любил он не работать, бродить по лесам и раз в два месяца менять взгляды на политику. Имя он своё сменил на чисто славянское, потому как родное было библейских мотивов, а дикость характера, которая уже приводила его к хватанию за нож, он любил подкреплять мухоморами и многодневными проживаниями в чащобах.

Однажды я решил его взять в поход за грибами, с условием, что я помогу ему набрать любимых им мухоморов, а он мне обычных съедобных грибов.

День выдался урожайным, и мы собрали мне большущее ведро подосиновиков, а ему... шестидесятилитровый рюкзак, утрамбованный отборными красными боеголовками.

Кое-как довезя увесистую добычу до дома, он попытался скрыть её от родителей, оперативно засушив грибы в духовке. Загрузив последнюю под завязку, аки Вовка печку в тридевятом царстве, В. не учёл, что выделившийся запах пропитает всю квартиру буквально насквозь. По этой причине оставшуюся часть он попытался засушить так, но в итоге преимущественно сгноил.

Тем не менее, полученного продукта хватило бы на то,

чтобы улететь на Луну и не вернуться, а потому В. был более чем доволен.

Прошло два месяца, в течение которых мы мало общались, но одним вечером в конце октября на моём телефоне раздался звонок его вызова.

– Привет, я сейчас с Б. в Ржевском лесу и...

Даже без продолжения я понял, что никакой лексической альтернативы словам «Всё, пиздец...» – в моей голове не предвидится.

В общем, оказалось, что они с Б. (его друг, молодой сильнопьющий нацбол) приняли по порции грибков и пошли под ночь искать капище Чернобога в Ржевском лесопарке, хотя делирический «Ржевский лес» с немцами и партизанами действительно был бы более точной формулировкой.

Видимо, не самая здоровая печень Б. была не готова к тому, что все эти слова окажутся в одном предложении, и тот на полпути отрубился. Нести его на себе в тёмном и морозном лесу В. не мог, да к тому же ещё заблудился.

Выслушав его рассказ, я напрягся. Мне совершенно не хотелось ехать к чёрту на кулички и в кромешной лесной темноте искать двух обдолбанных дуралеев. К счастью, ехать не пришлось, В. был нужен лишь телефонный номер одного общего знакомого, который имел представление о географии лесопарка. Написав его номер палкой на земле (даже тут отличился), В. поблагодарил меня и повесил трубку.

Как я потом узнал, нашли их только МЧС-ники и только

под утро. Б пришёл в себя и был отправлен в реанимацию, а с В.. родители первого взяли слово избавиться от оставшихся мухоморов, но тот не выкинул их, а лишь обменял на травяные чаи в этно-магазине. По красоте.

Марсельеза

Было время, когда я действительно дышал озорством. Таким дышат по незнанию, по наивности или по чему-то между. Назовём это допущением. Я наблюдал, взвешивал и допускал, что всё это будет не зря, а уже потом делал то, что делал. Так или иначе, 31-го мая 2011 года я был у Гостиного двора, а моими товарищами заполняли автозаки с такой скоростью, что в воздухе стоял свист.

Через минуту я бежал по Невскому. У меня на хвосте было шесть полицейских, а седьмой ловил меня спереди с широко расставленными руками, будто копируя позу «Ку!». Он остановил меня, и остальные тут же повалились сверху, как в американском футболе. Мне порвали футболку с цифрами 31 и увесистым ударом коленкой в копчик погрузили в пустой автобус. Я уселся, и от подскочившего пульса зачем-то достал «Человеческое, слишком человеческое» Ницше. Ко мне подсел полицейский-кавказец. Вообще, почти любое моё попадание к полицейским очень быстро превращалось в фестиваль кавказской культуры, причём «по обе

стороны протокола».

– Хорошая книга.

– Да?

– Да, много правильных мыслей.

Я, конечно, тут же допустил, что книгу он не читал, а лишь успокаивает меня, чтобы я, поймав кураж, не учудил ещё один забег.

Так как я был уже далеко от Гостинки, в автобус больше никого не привели. Решив, что персональный автобус для меня как-то жирно, меня повезли в закутке бобика. Какова была моя радость, когда сквозь зарешеченное окно я увидел ближайший к моему дому ОВД. Радость оказалась преждевременной, по ходу оформления выяснилось, что манифестантов во всех отделах приказано оставлять на ночь. Первый раз я попал в отделение один, так, выходит, ещё и с ночёвкой! К слову, собственно, ночёвки у меня ещё тоже не было. Грядущее стало представляться мне интересным, но совсем не по-хорошему.

После первого оформления меня передали бритоголовому. Без формы, но, видимо, при хорошем звании. У бритоголового был очень самоуверенный взгляд и какое-то характерное армянское имя, которое моя память восстановить уже

не в силах. Армянин наперво поместил меня в камеру. По сути, камера находилась в подвале. В глухом узком помещении пахло мочой, а в углу поблескивала некая жидкость. Как выяснилось позже, пахло не случайно. За стеной кто-то истошно орал и, словно в экзальтации, бил в дверное стекло. Разобрав выкрики, я понял, что он просился в туалет. Видимо, давно, но безрезультатно. Я стал рассматривать стену. На стене среди имён и дат я обнаружил выцарапанное слово «Чечня», а ещё мне бросились в глаза две строчки столбиком:

Я буду забытой иголкой в вашей вене
Я стану забытым катетером в вашем теле

Такая наскальная живопись ещё больше дополнила зловещность происходящего.

Прошло часа два. Мне казалось, что два. Телефон с часами у меня, конечно же, забрали. За это время в соседней камере уже стали крыть хуями ментов, как явление, и требовали вместо туалета увести из камеры, мотивируя требование тем, что пацану нельзя сидеть среди урины. Как ни странно, новый сменщик, задолбанный постоянными воплями, решил показать крикуну, что в моей камере ничуть не лучше, и привёл его ко мне. Передо мной предстал по пояс голый среднего роста парень с лицом, похожим на надутый

шарик. Так же, как на шарике, черты его были всего лишь нарисованы, не имея практически никакого рельефа. Недовольно осмотрев моё пристанище, он фыркнул, начал было выходить, но обернулся и рявкнул: «Чё, бля, смотришь?!»

В помещении охраны раздался похабный смех, женский и мужской одновременно. Сидящие там как будто знали моего соседа, и я стал прислушиваться. Тётка просилась домой, поясняя, что сидит тут давно, а дома её ждёт ребёнок. Мужчину слышно не было. Внезапно меня словно окатило. У меня же завтра ночью поезд в Москву! А что, если меня не отпустят, замурыжив с этими ничтожными административками? Дела...

Если задуматься, сколько раз раньше я проходил мимо этого жёлтого здания и ведь даже не догадывался, что здесь, в подвале, творится такое пыталово. Сушая душегубка, честное слово, мне даже одному буквально нечем дышать, а под ногами хлопает. В голове ассоциативно всплыла фраза: «Наша русская моча против скальпеля врача». Однако, спокойно вдыхать пары мочи и думать о вечном мне долго не дали. Охранявшие нас второй раз привели ко мне соседа, но на этот раз оставили. Сосед сел на скамейку и решил начать знакомство.

В ходе знакомства выяснилось, что звать его Марселем,

ему 19 лет и попал он сюда за мокруху. Всего несколько часов назад он порезал собутыльника, и, скорее всего, на- смерть. Не так давно он сидел на малолетке и даже немного в «Крестах». Мой косой взгляд он не помнил, а, «приспро- сившись», даже оценил, что я попал сюда за поликоту и ни- чего в духе «Образованный! Революционер!» не выдал. Зато выдал следующее:

- Но вообще тебе со мной не повезло сидеть.
- Почему?
- А я буйный.
- ...
- Биться будешь?
- Драться?
- Неее, дерутся петухи в жопу. Будешь или нет?
- Буду... биться! (добавил я важное уточнение)

Однако биться не пришлось, это была всего лишь пацан- ская проверка.

Сразу после правильного ответа Марсель достал из ботин- ка скрученную проволоку и начал её плести под свои же рас- сказы. Рассказы были о первой ходке за гоп-стоп, об уваже- нии серийника Титаренко, о дружбе со скином из малолетки, татарских корнях и ещё чёрт знает о чём. Рассказывал ещё про какие-то неизвестные мне тюремные касты, одна из ко-

торых, помню, звалась «бобры». Время медленно, но шло, однако, над нами так и продолжали светить тускловатые жёлтые лампы. За мной вернулся бритый армянин, он приказал мне выйти, и я тут же заметил в его руке фотик. Я уже был год нацболом, а потому знал, что фоткаться и откатывать пальцы по административке я не обязан.

– Вставай к стене.

– Не буду, я против.

– Я говорю при свидетелях, что, если ты не встанешь, я вынужден буду применить силу.

– Представьтесь.

– А хуй тебе не пососать?

Моих свидетелей у меня не было, а вот его снова откровенно хохотнули. Фото моё было везде, где только могло быть. Менты нас вечно снимали на акциях и маршах. В миг я понял, что огребать и подвергать опасности свою поездку в Москву из-за этих снимков – глупо, и я молча встал у стены. Тогда же я разглядел предполагаемых знакомых Марселя, которых армянин так лихо записал в свои свидетели. Это были спитая тётка и кавказец лет сорока. Меня увели обратно, но краем уха я услышал, что кавказец с бритым говорят о проститутках с «Балтийской» – видимо, эти двое тоже знакомы. У Марселя я узнал, что кавказец и тётка – его собутыльники. И, более того, тётка – это жена порезанного

Марселем, что, впрочем, не мешало ей быть спокойной как бык и даже перешучиваться с без пяти минут убийцей мужа. Также я узнал, что кавказец – злостный рецидивист азербайджанского происхождения, а порезанный был порезан за издевательство над калеккой.

Меня накрывало какой-то селиновской ночью. Ночь обычная наслаивалась в происходящем спектакле на ночь человеческую, полностью беспросветную и, что скрывать, реально страшную. Я лёг спиной на скамейку, и мне стало казаться, что мы находимся внутри узкой ракеты. А ракета эта наверняка среди самых мёртвых звёзд, источающих самый злой некротический свет. И вот внутри летим мы – Белка, Стрелка и смерть.

Мне принесли пирожки в передаче. Помогло то, что я успел сообщить, где я, до того, как лишился телефона. Я дал один пирожок Марселю, он открыл рот, но тут же закрыл, будто религиозный янки, забывший прочитать молитву перед ужином.

– Хуй не сосал? Пизду не лизал?

– Нет.

– Ну ладно.

Мне тут же вспомнился некогда услышанный стишок, как

раз заявленный творчеством «Малолетки»: «Колбаса на хуй похожа, сыр пиздятиной пропах». Как ни странно, меня выпустили в туалет при первой же моей попытке, охранник, наверное, решил, что с моей шкуры и так довольно. Туалет оказался узеньким конусом в полу, куда почти нельзя было попасть.

Я вернулся и стал пытаться заснуть под всё ещё горящими лампами. Перед сном я решил спросить, будет ли спать Марсель. Марсель сказал, что спать тут не по-пацански, тут можно лишь ожидать. Я задумался, не воткнёт ли мой сосед тугую проволочку мне в ухо, пока я сплю. Может ведь, с него станет.

Я не помню, спал ли ночью хоть минуту, но, когда окончательно открыл глаза, Марсель громко храпел. Я решил, что настало раннее утро. Когда Марсель проснулся, мы почти не разговаривали. Снова пришёл бритый, и после слов «Выходи, диссидент!» дал мне бланк объяснительной. Я написал, что просто гулял по Невскому, как вдруг меня схватили неизвестные в форме. Немного подавив и поглумясь, бритый принял мой листок. Посмотрев на меня, он словно выдохнул: «Просто не надо сюда попадать».

Я увидел людей в третьей камере – это тоже были кавказцы. Как выяснилось позже – армяне без регистрации. Минут

через сорок, уже из камеры, я увидел злющего толстого мента в фуражке, изливавшего свою злость нашему охраннику:

– Представляешь, я его посадил в машину, отошёл, а этот сучонок роется у меня в бардачке! Ну, сейчас я ему устрою!

Привели какого-то черепашонка ростом около 160, но возрастом около тридцати. Тот что-то невнятно говорил про детей. Марсель оживился:

– Сюда, сюда Анечку моюююю!

Несмотря на мои протесты, касательно отсутствия в камере воздуха, толстый мент был непреклонен в своей мести. Так этот пьяный в дрова бедолага оказался у нас. Марсель быстро начал свой допрос:

– Кто по жизни?

– Человек.

– Сидел?

– Сидел.

– Кем сидел? Обижали тебя? Ну-ка слез со скамьи, животное. Вон, в углу твоё место, где лужа.

Марсель как бы доказывал мне, что, хотя со мной подобного и не произошло, по жизни он всё ещё остаётся зверем.

«Анечка» сидел в сыром углу, а я уже готов был грызть вены. К счастью, скоро меня вывели и под конвоем провели всё к тому же закутку бобика. На этот раз в этом клочке пространства мне предстояло ехать с армянами из третьей камеры.

Вообще не представляю, как мы поместились, однако, армяне целыми доехали до УФМС, а я до суда. В суде, среди знакомых лиц, я отсидел очередь, и удачно, в отличие от некоторых, смог перенести заседание по месту жительства, а потом даже выиграл дело, в чём мне единственный раз в жизни помогло моё образование.

Обводный канал

Если вы не живёте в Петербурге, начну с того, что есть у нас водоём, напоминающий огромную канаву. Водоём как бы очерчивает или, лучше сказать, обводит старую часть города с Юга. Канавка эта заключена в гранит и носит имя Обводный Канал. С точки зрения архитектуры, в его районе из домов и заборов промзон выделяются несколько кирпичных бочонков-газгольдеров, здание одноимённого метро и целый зиккурат, в форме которого построен завод «Красный треугольник».

Как некоторые знают, это по праву любимый мой водо-

ём, или, если быть точнее, водоток. Мне он всегда напоминал какой-то питерский аналог Стикса. Именно в его дубово-спокойной грязной воде лучше всего смотрелась бы лодка загробного проводника. По крайней мере, более подходящих водных объектов я в Петербурге не знаю.

Полгода назад я публиковал видео, где бензовоз задорно занырнул в пучину канала. Подписал я его тогда: «Обводник требует жертв». А сейчас натолкнулся на желтушный ТВ-ролик, где рассказывается, что Обводник вырыт на жертвенном чухонском капище, да ещё и осквернённом, поэтому в нём всегда любили тонуть, а в округе учиняли дикие изнасилования, убийства с расчленёнкой и самовозгорания. Ролик на тв-три – конечно не слишком заслуживающий доверия источник, но уже явный повод поведать об эпизодах моих взаимоотношений с этим местом.

При выходе из двора моей первой школы Обводный уже был виден на некотором расстоянии, поэтому для начала упомяну, что в моей школе, вполне заслуживающей звания «Обводная», я был свидетелем насаженного на крюк от батареи пацана. А насадил его мой одноклассник, мотивируясь борьбой за какую-то украденную безделуху. Но это так, небольшая чёрная затравка, которую я выделю из обильного школьного насилия и лишь с натяжкой приобшчу к делу.

Вообще, меня начало тянуть к сабжу в раннем подростко-

вом возрасте. Мы с приятелем пытались охотиться на крыс у конструкторского бюро «Рубин» (именно оно спроектировало подложку «Курск», как мне говорили). Крысы любили бегать как раз на стороне, выходящей к каналу. Настичь добычу нам никогда не удавалось, потому со временем мы просто стали шляться в том направлении, совершенно бесцельно. В одной из таких прогулок мы нашли «подснежник». Лежал он за железнодорожным мостом, метрах в тридцати от проезжей части, и среди куцега снега выглядел просто небрежно сваленной кучей одежды. Не нужный никому, он оказался не нужным и нам, мы довольно спокойно пошли дальше по пустырю к стихийному кладбищу домашних животных на Рыбинской улице. А ведь если подумать, это был первый мертвец, которого я видел на расстоянии вытянутой руки и встретился мне он именно там.

За несколько лет до этого в Обводном, по всей видимости, хотела топиться одна прохожая. Подойдя ко мне и однокашнику, довольно миловидная женщина с крашеными жёлтыми волосами спросила сначала о ближайшем водоёме, а потом о глубине в нём. По крайней мере, её холодная меланхоличность оставила у нас совершенно стойкое ощущение суицидального настроения. Она выглядела слишком вменяемой, чтобы там купаться, а корабликов и рыб у неё замечено не было. Вариант с эпатажем тоже слаб. Зачем ей вообще было эпатировать 12-летних щеглов, да ещё так изощрённо?

В плане человеческого обитания Обводный тоже начал выделяться ещё со школьных времён. Насколько я помню, именно на набережной жил самый отъявленный в классе хулиган, и это при том, что рос он, можно даже сказать, в нездорово интеллигентной семье. В течение жизни я обзавелся ещё парой колоритных знакомых с канала. Одного из них в том районе не так давно ограбили с применением ствола, а другой имел прямо целую россыпь удивительных историй.

Рассказывал, как при нём одни конченые ныряли в великий и ужасный с моста, а другой специально остановился на машине, чтобы зачерпнуть да отпить целебной водицы. Во времена, когда на стыке нулевых и десятых Обводник обмелел, по его краям на оголённой земле прямо перед гранитными плитами стали расти молодые берёзы. Именно тогда моим знакомым были замечены на Обводном бобры. Зная географию города, можно сломать голову в попытке понять, как они там вообще могли появиться. Как ни странно, рыба в Обводном тоже водится, причём, как говорят, включая невского угря.

Возвращаясь к знакомцу (далее Ю.), перескажу напоследок эпос про его драку на канале. Будучи поэтом-музыкантом, Ю. периодически тусовался с подобными, не слишком, впрочем, отрываясь от социального дна. В один из таких мо-

ментов, когда он сидел с вокалистом своей группы на спуске с набережной, к ним решили присоединиться ещё двое влекомых духом канала. Увидев гитары, последние попробовали завязать общение на этой почве, однако вместо общения завязалось побоище, в ходе которого пришельцы были скинуты в воду. Приняв крещение повидавшей всякие виды обводной водой, упрямыцы снова стали искать взаимопонимания. И, более того, после их возвращения на сушу поначалу им это даже удавалось, но итог оказался всё равно идентичным. Выплыв во второй раз, они ушли в неизвестном направлении, а вернулись с третьим товарищем. У третьего был на поводке пёсик. Если быть точным, пёсик был породы стаффорд-терьер. Без лишних бесед животина была спущена с поводка и направлена на Ю., видимо, сыграл роль его рост под два метра. После того, как животина стремительно, но молча разгрызла Ю. кисть, его друг объявил о капитуляции и закинул истекающего кровью Ю. в пойманное авто. Вот так приняло это место очередную жертву кровью, явно не последнюю.

К чему всё это я? Если устали от парадности центра или скучных районов – то чарующий ветерок Обводного вас ждёт. Сильно. Приходите сюда гулять, это то, что вам нужно.

Про школы (красно-коричневое)

В семь лет я пошёл в школку. Родители долго выбирали, присматривались и, наконец, определились с местом источника болезненных ощущений большей части моего детства.

Школа 612 центрального района была переделана из советского техникума и покрашена ещё свежей краской. Собственно, она была создана под конкретную директрису, однофамильную родственницу министра Патрушева, inferнальную небольшую тётку, с причёской, напоминающую гнездо виверн из третьих героев. Эдакая смесь Стервеллы и советской сухогубой чиновницы, почувствовавшей полную, если угодно, дворянскую, безнаказанность своего положения.

Школа располагалась во дворе, среди обычных домов центра Питера, а в её собственном дворе находился склад громоздких транспортных контейнеров, в которых селились огромные, до полуметра, крысы и иногда отнюдь не огромные бомжи.

Мою первую классную руководительницу звали Валентина Васильевна. Тоже, надо сказать, странная, но уже довольно добрая и крупная, тётка, рассказывавшая про посещение Земли инопланетянами и, как поговаривали, ходившая в свои пятьдесят лет на дискотеки.

Достаточно быстро я почувствовал, как сказал бы сей-

час, близость Обводного канала (рекомендую к прочтению мой текст про него). Драки, травли всех и вся и тому подобное составляли мою постоянную и непрерывную программу от первого до седьмого класса включительно, а затем резко пошли на спад после моего перевода в 308-ую.

Красная школа. Школа кровавой инициации, с жёсткой иерархией силы. Били меня, я был вынужден бить, а иногда не был вынужден, но всё равно бил, просто потому, что так было принято.

Даже вроде как со своими друзьями нужно было постоянно поддерживать авторитет, чтобы тебя не закидали камнями. Это, кстати, совсем не библейская фигура речи, а вполне буквальная практика, и моя голова тоже не раз испытывала на себе попадания крупных кусков гранитного щебня у находившегося рядом стадиона «Локомотив».

Один раз мой школьный «дружок» так достал флегматично-меланхоличного меня, что я припёр его к металлической двери гаража и, как персонаж Хэла Хогана из популярного тогда сериала «Гром в раю», въебал ему уже вполне увесистым лбом под левый глаз. «Дружок» развылся, а через полчаса уже звонил и предлагал помириться. В общем, путь к сердцу большинства одношкольников лежал через пиздюли, но, увы, меня били гораздо больше, чем я сам. Где-то не хватало агрессии, а где-то и силы, ведь в коридоре буквально на ровном месте можно было получить по зубам и от старшеклассника. Особенно отличались в таких «боях

чести» немногочисленные тогда ещё кавказцы.

В какой-то момент отцу это надоело, и он решил отдать меня... на борьбу. Серьёзно, это не очень хороший вариант, когда твой нос в любой день рискует хрустнуть под очередным кулаком. Вместо умения наносить эффективные удары по самым болезненным точкам лица и туловища, теперь я зачем-то пытался повалить противника на лопатки, причём имея привитый правилами вольников внутренний зажим не только перед добиванием в партере, но и перед ударами в принципе. В том числе и по этой причине я довольно быстро бросил данный вид спорта, хотя не уверен, что полноценно помог бы и бокс, потому как у местной школьной публики удары в пах лишь изредка считались запрещённым приёмом.

Впрочем, самый эффектный случай кровопролития произошёл не совсем специально. Мой одноклассник Артём из второй половины той самой внутриклассовой иерархии украл с пацаном из другого класса какую-то безделуху, но почему-то они не смогли её поделить. Из-за чего Артём оказался на полу под своим подельником и градом его ударов. Каким-то образом Артём смог стряхнуть с себя обидчика, и тот, взлетев по графику отрицательной параболы, приземлился на торчащий из стены крюк для крепления батареи. Крюк вошёл под рёбра, и грозный драчун завис в полусидячем положении под окном. Вокруг него стал скапливаться полукруг из гыгыкающих Батхедов, на пол потек-

ла кровь, а сам он постигал всю тотальность бытия, выпучив глаза и крича во всю глотку от боли. Прозвенел звонок на урок, во время коего приехали МЧС-ники, спилили вместе с крюком, а затем увезли в лечебницу юного бандюгана.

Надо ещё сказать, что пик известного мне насилия не пришёлся на годы моего обучения, и самая inferнальная история 612-ой была рассказана мне со слов очевидцев через пару лет.

Вернее, их было две. Первая – это история про то, как первого сентября тот самый «дружок», пьяный, выбил нашему и без того гнилозубому химику резец, а вот вторая требует небольшого вступления.

Был у нас такой мальчик Дима, учился с нами с первого класса, и с первого же класса производил стойкое визуальное ощущение старика.

Если разбираться в деталях, то этому способствовало два основных факта. Первый – постоянно измождённое выражение крупного лица с опущенными внешними уголками глаз. А второй – какая-то болезнь кожи, выразившаяся в мелких чешуйках отмершего эпидермиса, покрывавших буквально каждый кожный сантиметр и создающих в области физиономии впечатление седой щетины.

Вообще, он был весь какой-то больной: малообщительный, очень сутулый и с массивными наплывами ушной серы.

Ну так вот, разумеется, Дима всегда плотно держался у дна. Он прямо-таки редко когда отвечал на оскорбления

и тем более давал сдачи, но по-настоящему серьёзного с ним при мне ничего не происходило, а вот через год после ухода случилось следующее.

Мои бывшие однокласснички, как и большая часть тогдашней пассионарной молодёжи, гоняли скинами. Ну, и часто тусили в некоем притомообразном заведении под названием «Коммора». Туда же ими и был коварно приглашён Дмитрий. Приглашён, приведён, раздет, бит током, а после изнасилован в рот. Изнасилован, конечно, не ради удовольствия, а по старинному тюремному обычаю.

Если никого в школе не побивают камнями, а после школы не пытаются склонить к содомии, то, в общем, я думаю, эту школу можно назвать неплохой.

Так и я перешёл после седьмого класса... в неплохую школу номер 308 на Бородинской улице.

Школа была с математическим уклоном, а мой новый класс был с ещё большим математическим уклоном, что, конечно, не могло не сказаться на мне, насквозь гуманитарной плесени.

В новой школе было поменьше насилия, побольше отможенного юмора и целый караван фекальных историй – возможно, следствие «профессиональной» деформации математиков.

Серьёзно, срали повсюду: в коридоре, в кабинетах, на лестнице.

Доходило буквально до таких историй, что человек, при-

бежавший в класс, чтобы рассказать об очередной заложенной на четвёртом этаже мине, по пути вступал в другую, дурно пахнущую, потому что, видимо, кто-то решил покакать за компанию.

Однажды параллельному классу нагадили под дверь прямо во время урока. Дверь в класс была слегка утоплена относительно коридора, и кто-то, примостившись, то ли отомстил старой коммунистке-историчке Лидии Андреевне, то ли не донёс свой внутренний мир до туалета на втором этаже. Весь урок класс страдал от фекального удушья, тщетно пытаясь открывать форточки и косо смотря на окружающих одноклассников, а когда, наконец, прозвенел звонок, первый, выбегавший из обители смрада, поскользнулся на куче и завис в полушпагате с глазами, полными ужаса.

Однажды меня с одноклассником вместо уроков позвали перетаскивать парты в школе для маленьких. Открыв дверь класса с партами, мы сразу поняли, чем пахнет это дело. В общем, мы обнаружили там, в горе столов, порядка семи дерьмовых куч. Нести этот груз было совершенно неприколно, потому как в момент подъёма на лестнице всё это добро скатывалось на идущего снизу. В итоге мы скинули весь балласт в лестничный пролёт и стали таскать парты налегке.

Говорят, кто-то даже реализовал анекдот про поручика Ржевского и насрал в пианино в кабинете музыки. Признаюсь, сам видеть не видел, но даже в тот единственный день,

когда мы принесли в школу ещё vhs-камеру, мы зафиксировали там кучу на самой последней парте.

Также я слышал историю про то, как кто-то отковырял в кабинете физики от основания кафедры одну дощечку и опорожнил в образовавшийся проём. Это, конечно, уже была по-математически расчётливая копромесь неприятной физичке, с мужененавистническими наклонностями. Разумеется, разбирать кафедру никому в голову не пришло, и Елена Евгеньевна была вынуждена терпеть все стадии разложения, чему, признаюсь, я весьма рад.

Впрочем, у этого преступления был подозреваемый. Назовём его Д.

Д. был гиперактивным хохмачом, который тут же атаковал лобковой костью любую девку, которая нагнулась завязать шнурки.

Однажды мой приятель, спускаясь по пустынной лестнице, услышал какой-то странный, непонятный шум и, тихонько подойдя, увидел, как Д. нефигурально ебёт стену. Знаете такую пластилинообразную штуку для заделки дырок в стенах? Ну так вот, Д. проделал в такой заделанной дырке углубление и втихую обесчестил лестничную площадку.

Вообще, символично, что это был он, потому что позже именно он, единственный из всех пацанов, занялся сетевым маркетингом, эксплуатируя светлую школьную память в своих корыстных целях.

Как говорится, ебёшь стены в школе – будешь ебать стены

ВСЮ ЖИЗНЬ.

Призрак пушкинской квартиры

До школы я жил у своей бабки в городе Пушкин, который является одновременно пригородом и частью Петербурга. Во время школы я часто гостил у неё на каникулах, погружаясь с головой в аутизм и общение с Раисой Никитичной. Стоит сказать, что моя бабка имела фантастически насыщенный жизненный опыт, начинавшийся с существования дочери красного командира в оккупированной немцами деревне, и заканчивающийся в одинокой и жестокой реальности 90-х.

Дом в Пушкине был хрущёвский и невероятно уютный. Он довольно бодро вылезал из зеленого массива двора, снаружи состоял из нарядного красного кирпича, а полы в квартире покрывали огромные в длину и ширину доски.

Когда бабка ушла от нас в лучший мир, квартира стала пустовать, но, как известно, свято место пусто не бывает, сначала я стал туда приезжать, чтобы выпить и побыть одному, а позднее стал приводить женщин.

В Пушкине и по сей день находится моя дача. Уже вдали от застройки, в садоводстве, окружённом заброшенными полями.

В один из летних выходных я приехал на эту любимую мной дачу с одной из пассий. Пассия была импульсивной рыжей девицей в зелёном девчоковом платье. Высокой, подтя-

нутой и млечнокожей.

После возлежания на раскладушке и поедания несортовой ежевики с колючих кустов, я повёл её гулять по полям.

Как фотографично смотрелось её яркое пятно на фоне горелых мусорных куч и выкинутой мебели, что обрамляли дорогу к полю! До сих пор жалею, что я не стал снимать тот день, будто выплывший из фильма «Гуммо».

После довольно долгой прогулки мы оказались дома в Пушкине. Поужинав, мы стали готовиться к тому, зачем в принципе планировали эту поездку.

У пассии была одна особенность: она очень, очень громко и при этом ритмично кричала. Но на сей раз эта, ранее лишь забавлявшая меня, черта решила сыграть со мной злую шутку.

Мне всегда казалось, что с момента запустения в нашей милой двушке кто-то поселился. Терзали ощущения взгляда на тебе, мешали заснуть ночные скрипы в коридоре. Раньше я ещё как-то мог отогнать от себя страхи, но в эту ночь всё зашло слишком далеко.

Когда моя подруга заснула, сквозь наползающую дрему я услышал НЕЧТО.

Кто-то орал в квартире, издевательским тоном пародировав те самые громкие стоны. Голос был каким-то андрогинным, а потому, казалось, вообще нечеловеческим, принадлежащим скорее гоблину или адской нечисти. Холодный пот окатил меня от макушки до копчика. Годами надвигающийся-

ся саспенс разом вышел на апогей, ещё и так зло высмеивая наш невинный порок.

Я повернул голову: она спала.

Значит, я был наедине с *его* присутствием. Я медленно сполз под одеяло и стал ожидать развития событий. Крик не утихал минут двадцать, всё это время он не отдалялся и не приближался, находясь в одной точке. А затем резко стих.

Ещё порядка часа-двух я не мог заснуть, а, проснувшись утром, стал неподвижно ждать пробуждения подруги. Она спала как убитая, отлично выспалась и ничего не слышала. Завидую чёрной завистью людям с крепким сном!

Я решил, что наберусь смелости и в одиночку выйду на контакт с этим «домовым». Приехав через неделю, я по поверью насыпал сахар в блюдце с водой, положил под диван черенок от швабры на случай обороны и лёг спать.

На этот раз я успел заснуть, прежде чем квартиру снова наполнили кошмарные крики. Проснувшись от них, я тут же схватил палку и вскочил на ноги. Орала прямо в комнате, где я был. Где-то у стены, возможно, в шкафу. Я подошёл и резко открыл его, выставив более острый кончик черенка вперёд. Пусто.

Покинув шкаф, я с облегчением для сонного и напрочь охеревшего разума, понял: крик за стеной, у соседей.

За стеной жила довольно пожилая пара. Женщина уже выглядела как бабка, а мужчина смотрелся болезненно худым

и просто очень нездоровым.

Отец как-то видел его ползущим домой, словно огромная гусеница, так тяжело ему давались ступеньки. Доходяга. Вроде как вследствие алкоголя.

Стало очевидно, перед сном его мучают какие-то приступы, на слух безумно странным образом напоминающие крики рыжей девицы.

Я постучал в тоненькую, почти картонную, как бывает в хрущёвках, стену. Я понял: к нему подошла женщина и начала успокаивать.

Ещё полгода я слышал его крики, приезжая в квартиру, а затем он, совершенно понятно для меня, затих. Смех и грех, а правда, как часто бывает, оказалась страшнее.

Какой вывод можно сделать из этой истории? Понятия не имею. Разве что: «Бойтесь рыжих женщин, они в любви кричат, как медленно умирающие мужчины».

Коммунальное

Люди, а особенно приезжие, стремятся поселиться в центре. Дескать, если и жить тут, то непременно в настоящем Петербурхе с дворами-колодцами и всякими архитектурными излишествами. Не думайте, что я хочу вас задеть. На вашем месте, я сам бы, наверняка, поддался такому настроению, но остановитесь на моей заметке и подумайте ещё разок. Разочек. Разулечку.

Почему лучше поднакопить на съём крохотной студии, даже если она находится где-то в отдалении от метро Парнас, чем снимать комнату в центре? Тем более если речь идёт о покупке! Ответ простой, потому что вы (скорее всего) не кнехт, не пират и даже не браток, родом из девяностых.

Я, к сожалению, тоже не могу себя отнести к рискующим сердцам. В сущности, почти на все свои дольки я остаюсь обывателем, а потому буду писать без восторга, с которым в принципе можно было бы говорить о происходившем. Если же вы принадлежите к иному архетипу в его чистой форме – я заранее готов извиниться за стиль.

Итак, что мне к 30 годам известно о коммуналках? В коммуналке: вам могут обмазать говном внутреннее убранство, обоссать посредством животных или их хозяев весь коридор, поменять замок общей двери и не впускать вас внутрь, могут выставить в одних тапках на мороз, могут обворовать, как со взломом так и без, могут бить головой об унитаз, могут угрожать убийством и, наконец, да, в конечном счёте, просто убить. Вы девушка и вам всё это неприятно читать? Прочтите ещё раз, ведь ваши шансы на каждый пункт только возрастают относительно мужчин. Всё это либо мои истории, либо из первых уст, и, поверьте, вы там частенько фигурируете.

Тут я поведаю только своё, опущу «Перекрывателя воздуха антихристам-иеговистам» и «Синего копрофила с охот-

ничьим карабином». Это мои излюбленные эпосы, но уже от знакомых.

Итак, наш дом находился на улице Марата, неподалёку от ОВД, где происходили события моего рассказа «Марсельеза». Дом старый, говорят, в его парадном крыле бывал сам Пушкин. Бывал, надо сказать, не просто так, а с целью порубиться в картишки у другого поэта Веневитинова.

Наша коммуналка была со двора. В парадной наверх, как будто нехотя, поднималась старая обшарпанная лестница, узкая и со сбитыми углами ступеней. Наш уютный Содом располагался на третьем этаже. Изначально у нас, вернее у отца, была всего одна комнатка, ему её выдали ещё при Союзе как молодому специалисту. Вообще говоря, было у него ещё предложение на Невском, но... небо там можно было наблюдать, не выходя из дома. Нет, не из окна, а лёжа на полу и смотря вверх, сквозь дыры в крыше и перекрытиях. Вообще, образ той комнаты столь яркий, что перекочевал из батиных рассказов ко мне в сновидения и пребывает там до сих пор.

Так вот, на Марата. На Марата в 80-е и 90-е жильцы часто сменяли друг друга. Спивались, умирали, иногда своей смертью, иногда нет. Иногда просто съезжали в бегстве от соседей или обстоятельств.

Были разные люди, был спившийся интеллигент Кондра-тьев, носивший шляпу и побрякивающий иногда на пиани-но, а был и откровенный люмпен Лукин. На последнем я, пожалуй, остановлюсь и начну первую историю.

Лукин вечно приводил ободранных собутыльников, в принципе, под стать ему самому. Нашему семейству, ко-нечно, такое не нравилось, но предъявить ему по существу до поры было нечего.

Однажды нам взломали столовые ящики на кухне. По доб-рой соседской привычке ящики с ложками, ножами и вилка-ми запирались ключом. Разумеется, во взломанных внутри было пусто.

Отец вызвал милицию, по приезде участковый лишь по-жал плечами.

– Вот он или его друзья выломали нам замки и украли содержимое.

– Вы видели, что это были они?

– Разумеется, они сделали это в наше отсутствие.

– Тогда ничем не могу помочь.

– Ну и что ты мне предлагаешь делать? Так просто дальше и жить?

– Ну хочешь, убей его.

Прошло две недели. Звонит тот же самый участковый:

– Ну что, приезжай на опознание.

Отец приехал.

– Ну что, он? Твоя работа?

– Он. Не моя.

Оказалось, его прирезали собутыльники в борьбе за деньги от проданного на пропитие телевизора. А теперь метафизическая вишенка: сделали они это аккуратно на месте нынешнего памятника, где сорванцы дерутся за гуся, может, кто видел, на Загородном.

В коммуналке всегда определённое количество комнат. Соответственно, шанс жить как человеку обратно пропорционален их количеству. Большое количество – это и очередь в туалет, и занятое место на кухне и, в конечном счёте, больший шанс занять весёлого соседкушу. Одного, как правило, уже достаточно, чтобы настрадались все остальные. По моему опыту, если комнат больше трёх, то шансы занять одного возрастают процентов до 80%.

В нашей квартирке их было ровно три, но, при условии регулярной смены жильцов, шансов на спокойную жизнь не оставалось в принципе.

Следующей звездой был мент. Мент был из ближайшего отдела и при мелком звании.

Начало сожительства сразу задало высокую планку: он просто взял и поменял замок на входной двери. Не то что не спросив мнения, а даже не уведомив ни одного из жиль-

цов о самом намерении. Сделал он это без нас, и мы оказались на улице до его прихода с работы.

Позже стало ясно, зачем вообще ему эта комната. Явно воспользовавшись положением, он добыл её, чтобы водить блядей в непосредственной близости от храма законности.

Сначала одна из них приволокла кошку с кошмарным голосом в честь новоселья. А продолжилось всё тем, что по коридору начались голые забеги. По мнению родителей, мой пятилетний возраст не лучшим образом подходил для лицезрения трясущегося на бегу женского тела, и это стало последней каплей. Мать добилась приёма начальника отделения и разом выложила тому всю трагичную подноготную. Надо отметить, что начальник оказался сторонником дисциплины и заявил подчинённому, что если тот хоть раз ещё приведёт любую из любимых, он сам лично позвонит его жене.

Мент пропал, но осталась кошка. Родители, мягко говоря, не горели желанием оставлять это существо с голосом горгульи и решили отвезти его за тридевять земель в город Пушкин. Выпустили у магазина и, убедившись, что сердобольные продавщицы начали уделять громогласной кисе своё внимание, удалились. Но киса взяла след. Ночью она уже орала демоном под дверью квартиры в Пушкине, где ни разу до того не была. Видимо появившись из неведомого для нас ада,

сама она тоже обладала явно не посюсторонними способностями.

Иногда комнаты в коммуналке достаются не только жильцам, но и иным сущностям. Некоторыми, в старых домах, владевают призраки, а в нашей появился зловещий вурдалак назревающего времени по имени Маклер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.